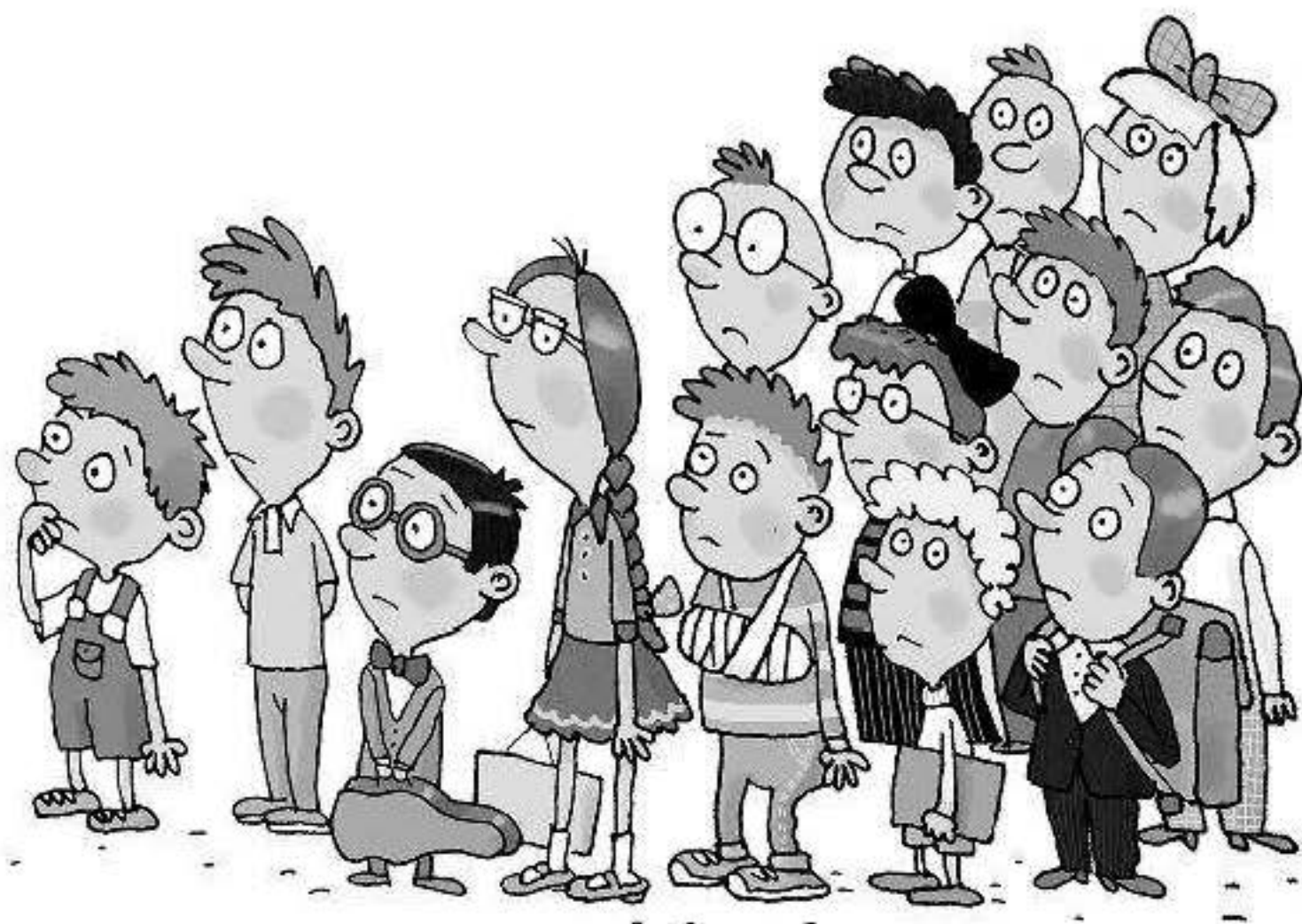

Э. Успенский, Г. Остер и другие

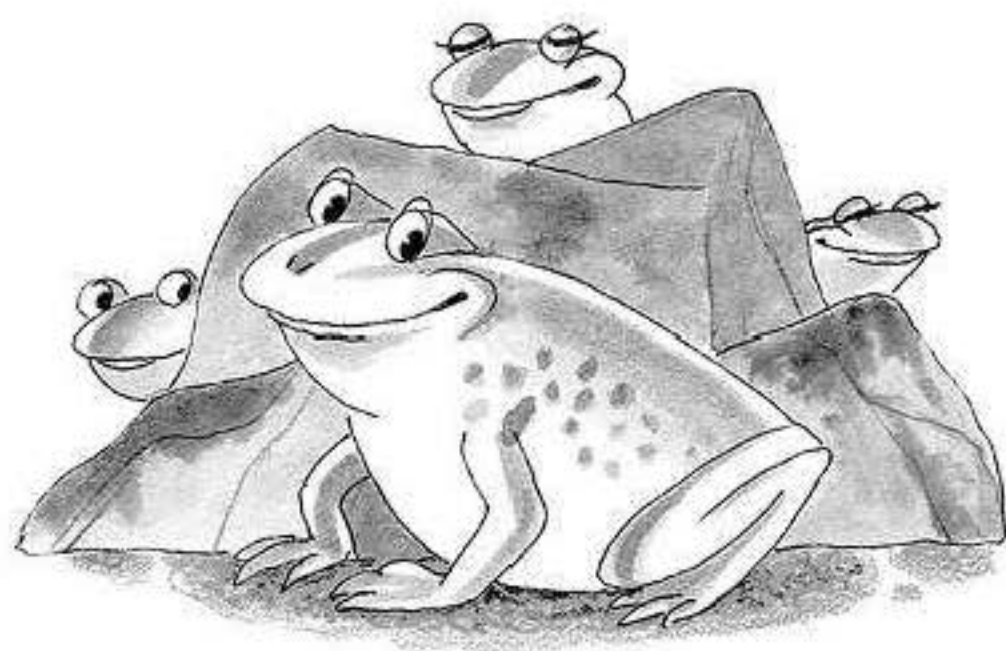
ПРО ХРАБРЫХ ДЕВОЧЕК

«МАЛЫШ»

Э. Успенский
ВОЛШЕБНИК
БАХРАМ

Волшебник Бахрам — властелин подземного мира (в пределах Душанбинской и Кулябской областей) — был недоволен. Его буквально переполняли знания и умения, а показать их было некому. Никто не мог сказать: «Друзья, я видел на свете немало могущественных джиннов и зловещих колдунов. Но все они не могут сделать и десятой доли того, что умеет делать славный старина Бахрам».

Он умел перемещаться в подземелье, переходя из пещеры в пещеру сквозь стену. Мог оживить любой рисунок. Мог летать под землёй на ковре-самолёте. Мог играть на любом музыкальном инструменте. Прекрасно играл в шахматы. Он видел алмазы и рубины сквозь толщу земли. И никто этого не ведал, и никто не мог повосхищаться им.

Мало того, ему некому было передать свои знания!

Жуть!

Он сидел в своём любимом бирюзовом зале, освещённом невидимыми источниками света, на своём любимом бирюзовом троне, покрытом персидским ковром. Сидел под крепким шёлковым балдахином (мало ли, вдруг землетрясение или камнепад) и страшно переживал:

— Хоть бы какой заблудший ангел сюда залетел! Хоть бы какой негодный мальчишка провалился! Я бы его немедленно поймал, сделал любимым учеником, запер бы за решётку и начал обучать. Лет через двести у меня был бы хороший наследник.

Бахрам не любил откладывать дело в долгий ящик. Он протянул руку, взял золотой колокольчик с балдахина и позвонил.

— Амфилохий!

Тотчас же в пещеру, топая босыми ногами, протирая заспанные зелёные глазищи, ввалился здоровый верзила в малиновых трусах и с кувалдой.

— Я здесь, господин!

— Амфилохий! Ты что делаешь? Спишь?

— Никак нет, господин! Я не сплю. Я кувалду протираю! Сильно засори-

лась. Заржавела совсем. Здесь, под землей, однако, всё сильно ржавеет.

— Хорошо сказано, однако, — согласился Бахрам, — что всё ржавеет. А не кажется ли тебе, Амфилохий, что мы с тобой тоже сильно заржавели?

— Не кажется, господин. Люди не ржавеют.

— Это верно, Амфилохий, светлая голова. Тогда я по-другому скажу. А не кажется ли тебе, Амфилохий, что мы с тобой здесь сильно обросли мхом?

Амфилохий опять не согласился:

— Не кажется, господин. Люди мхом не обрастают.

— Н-да.

Бахрам долго молчал, потом произнёс:

— Скучный ты, Амфилохий, вот что. Иди-ка ты на своё место и добывай алмазы. И кувалда твоя мхом не покроеется.

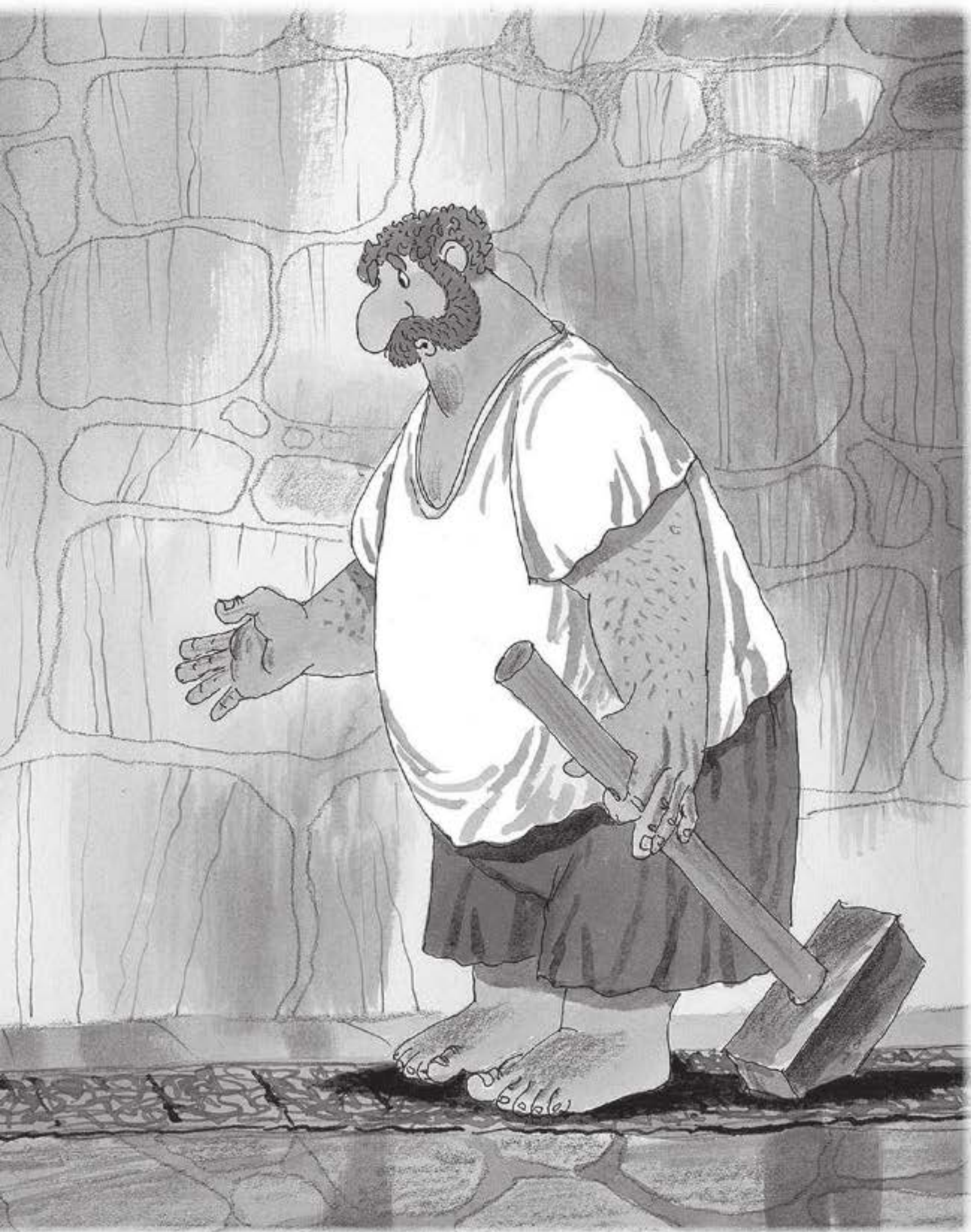
Но через пять минут он снова позвонил в колокольчик.

Амфилохий снова пришлёпал, волоча за собой кувалду. С ней он никогда не расставался. Видно, любил её.

— Чего тебе, господин?

— Вот чего. Ты, Амфилохий, умойся поосновательнее. Приоденься и поднимись наверх, на поверхность земли.
— Зачем? — испугался Амфилохий.

— Отыщешь там мальчишку попрличнее, запихнёшь его в мешок и принесёшь сюда. Будет у меня ученик.

Её легко понять. Ей уже поставили две двойки по природоведению. Не хватало только третьей.

Дело в том, что Маша была сугубо городской житель, во всякую природу не верила и учить природоведение не хотела. А учительница Мария Ивановна очень хотела, чтобы она учила природоведение.

И вот нашла коса на камень.

Маша была упрямая, как маленький бычок. А Марья Ивановна была упрямая, как... В общем, Марья Ивановна тоже была упрямая.

Марья Ивановна не нашла к Маше правильного педагогического подхода. Ей бы надо было взять Машу в лес за город, показать ей всякие подснежники, букашки. Попросить родителей, чтобы они купили Маше птичку или рыбку. Посадить с Машей лук в банке на окне. Глядишь бы, Маша всё поняла про природу.

А Марья Ивановна воспитывала Машу двойками. Маша взяла и сбежала. Она шла и бурчала про себя:

— Камни, кирпичи — вот лучшая природа. В крайнем случае, фонари.

Вдруг канализационный люк перед ней открылся, и из него высунулась

